

© 1992 г. ЯНИН В. Л.

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Исключительная редкость средневековых бытовых текстов в арсенале отечественного источниковедения, казалось бы, должна была бы делать драгоценной в глазах исследователей любую новую находку. В особенности это касается памятников домонгольской поры, в равной степени важных для историков и лингвистов. Между тем лишь берестяные грамоты привлекли к себе такое двойное внимание. Столь же стремительно формирующийся на наших глазах фонд древних эпиграфических памятников, как это ни парадоксально, остается пока вне поля зрения лингвистики, хотя количество одних только киевских надписей, подвижнически выявленных и изданных С. А. Высоцким, превысило 400 [1—3], а изданный А. А. Медынцевой свод граффити новгородского Софийского собора включил свыше 250 текстов [4]. Немалое число надписей публиковалось по мере их обнаружения, а также включалось в различного рода сводки. Инициатива таких публикаций всегда исходила от археологов, искусствоведов и реставраторов — первооткрывателей эпиграфических фактов, но никогда не от лингвистов. Может быть, именно здесь заключена причина лишь одностороннего внимания к этому фонду? Если изучение берестяных грамот почти с самого начала стало совместным предприятием исторической и лингвистической наук, то в чтении и истолковании процарапанных на штукатурке и мелких бытовых предметах надписей участвовали только открывавшие и издававшие их лица, для которых введение в научный оборот обнаруженных при раскопках или реставрационно-архитектурных работах текстов имело, главным образом, практическую цель: проверить средствами палеографии правильность стратиграфической картины, идет ли речь о стратиграфии культурного слоя или стратиграфии храмовых росписей и строительных напластований в сохранившейся граффити церкви.

Транскрипции и истолкования, предлагавшиеся исследователями, которые не имели специальной филологической подготовки, надо думать, вызывают недоверие, а порой и усмешку, — вероятно, во многих случаях вполне заслуженную. Однако сама важность открываемых и издаваемых текстов требует их профессиональной критики и возможного исправления или указания вариантов чтения. Непрофессионализм, как правило, стремится к добыванию вывода и в том случае, когда для этого нет условий. В нашем случае это обычно проявляется в насилии над текстом, легко обнаруживаемом именно средствами лингвистики, коль скоро такое насилие проявляется в пренебрежении законами морфологии и синтаксиса и опирается на предвзятое представление о недостаточной грамотности писавших.

Автор предлагаемых заметок не получил лингвистического образования, но имеет сорокалетний опыт работы с берестяными грамотами и что не менее важно — творческого общения с лингвистами в процессе изучения грамот. Не претендуя поэтому на безошибочность предлагаемых

мых поправок к ряду изданных эпиграфических текстов, я более всего хотел бы привлечь к этим памятникам деятельное критическое внимание филологов.

1. К чтению некоторых граффити киевского Софийского собора

Настоящий раздел заметок содержит комментарий к предпринятой С. А. Высоцким публикации киевских граффити. Коль скоро все двадцать случаев представляют собой акты несогласия (порой достаточно резкого) с транскрипциями и толкованиями, предложенными названным исследователем, считаю необходимым, прежде всего, сказать, что считаю трехтомный труд С. А. Высоцкого выдающимся жизненным подвигом учного.

Нумерация надписей и указанные здесь датировки соответствуют принятым в издании, первый выпуск которого (1966 г.) обозначен цифрой I, второй (1976 г.) — цифрой II, третий (1985 г.) — цифрой III.

№ 23. XII в. (I, с. 59, табл. XXV, XXVI, 1). Чтение С. А. Высоцкого.

съподоби ма грѣцъя[а]
г[о] отъче Хвѣда не по
би сноу азъ съ онѣми
чрыницами

Его перевод: «Удостой меня, грешного Федора, отче, и не побей сно-
ва, я с теми чернецами». Сомнения издателя относятся только ко второй
строке, где, по его словам, «...читается „от чех“, т. е. от чехов, но твер-
дой уверенности в таком чтении нет. Возможно, этот фрагмент следует
читать как „отче“ или „старче“, но тогда неясно, какое слово начинается
на букву Х, быть может, имя Хвод или Хвед (испорченное от „Федор“).
Запись представляет обращение к Онуфрию (граффито нацарапано на
фреске с изображением св. Онуфрия.— Я. В.), которого вполне можно
назвать „старче“.

Уже на этом примере хорошо видно, что лингвистическая сторона интереса у С. А. Высоцкого не вызывала, иначе ему пришлось бы разъяс-
нять, почему чтение «не поби» переводится «не побей», почему невероят-
ное «сноу» означает «снова» и почему женский род «чрыницами» нужно
превращать в мужской — «чернецами», какой смысл заключен во фразе
«я с теми чернецами», а также каким образом св. Онуфрий уже побил
однажды Хведа.

Прежде всего необходимо проверить предложенные транскрипции, Следы буквы А в слове «грѣшнаго» обнаруживаются не в конце первой, а в начале второй строки; во второй строке после букв ХВ следует чи-
тать не Ъ, а Ъ; в третьей строке вторая буква — не И, а Ы; в той же стро-
ке после ОУ имеются следы еще одной буквы, от которой сохранилась
мачта и горизонтальная перекладина вправо, что может соответствовать
только Ю; наконец, буквы ХВ во второй строке покрыты титлом. Пере-
численные поправки позволяют читать граффито иначе:

Съподоби ма грѣшнаго, отъче Хвѣ, да не побѣсною азъ съ онѣми
чрыницами.

Сочетание «отъче Х(ристо)въ», разумеется, нет необходимости пони-
мать как «отец Христа»; оно переводится как «старец божий», «угодник
божий» и т. п. «Побѣсную» — от «побѣсити»; по словарю Даля, «посер-
дить, подразнить, постараться вывести из терпения; -ся, посердиться,
погневаться неистово» [5, т. III, с. 139]. В записи не «идет речь о выполн-
ении какого-то обета», как полагал С. А. Высоцкий, а содержится молит-

ва о даровании писавшему кратости в его отношениях с какими-то раздражавшими его черницами.

№ 46. XII в. (I, с. 91, табл. XLIII, 4; XLIV, 4). Чтение С. А. Высоцкого:

Стыни оноу
фрие моли
ба милости
ваго за рабоу
свою еленоу
иб— помощи
и--ъ рабоу
своемоу фсымы
порови ам[инь]

Его перевод: «Святой Онуфрий, моли бога милостивого за рабу свою Елену и... помощи... рабу своему Фыспорови, аминь».

Непрочитанные издателем в шестой и седьмой строках места восстанавливаются не только по смыслу, но и по уцелевшим элементам букв:

и боуди помошь
[н]икъ рабоу

Что касается сверхъестественного Фыспоря, то в действительности буквы С и І в конце восьмой строки к рассматриваемой надписи не относятся, а первая буква девятой строки — не П, а Л, что определяет имя писавшего — «Фълоръ». В целом эти поправки позволяют прийти к чтению:

С(вд)тыи Оноуфрие, моли Б(ог)а милостиваго за рабу свою Еленоу и боуди помошьникъ рабу своемоу Фълорови. Ами(нъ).

№ 50. XIII в. (I, с. 95). Чтение С. А. Высоцкого:

М(е)с(а)ца ноамбра въ 27 днъ
прѣс(та)виса рабъ бѣжий митрополитъ Кирило.

Не имея никаких замечаний к транскрипции и чтению, должен, однако, выразить недоумение по поводу хронологического комментария, предложенного издателем: «Трудно сказать, о каком „Кириле“ в граффите идет речь, возможно, о Кирилле I, умершем в 1233 г., или о другом киевском митрополите Кирилле II, который, согласно летописи, умер 6 декабря 1281 г. и был похоронен в Софийском соборе в Киеве. Наиболее вероятным было бы думать, что запись на стене собора относится к последнему, но большие расхождения в дне и месяце событий, имеющиеся в летописи и рассматриваемом граффите, оставляют вопрос нерешенным».

Совершенно очевидно, что к Кириллу II надпись отношения не имеет, коль скоро он умер 6 декабря, а не 27 ноября. Но в таком случае, поскольку третьего одноименного митрополита не было, она может относиться только к Кириллу I и имеет двоякое значение. Во-первых, она называет календарную дату кончины Кирилла I, не зафиксированную в других источниках. Во-вторых, граффите обретает полную хронологическую определенность, становясь особой драгоценностью для эпиграфики.

Имеются ли какие-нибудь противоречия показанию граффите о смерти Кирилла I именно 27 ноября? Летописный рассказ о его смерти [6, с. 72, 282] содержитя в таком хронологическом контексте. 10 июня 1233 г. в Новгороде умер княжич Федор Ярославич, затем новгородцами (очевидно, в память о нем) была заложена церковь св. Феодора на воротах

Детинца. Далее следует сообщение о кончине митрополита Кирилла. Наконец, завершен мартовский годовой рассказ сообщением о конфликте с немцами, начавшемся около «госпожина дня» (15 августа), но завершившемся только к «великому говению», которое в 1234 г. началось 6 марта. Хронологическую вилку в этом рассказе составляют 10 июня 1233 г. и 6 марта 1234 г., между этими датами случилась кончина митрополита — противоречия указанию на 27 ноября нет.

№ 52. 17 февраля 1285 г. (I, с. 96, табл. LI, LII). Чтение С. А. Высоцкого:

въ ^л ^к ²⁷ ^{ф.} чг. приста
висла рабъ ^{бжин} за
хария. ^{мца} ^{февра}
р^а ^[з] ^{дн} на пама
ть стогъ федора ти
рена — в субо^ту въ
жъновца^дщ——

Его перевод: «В 6793 (1285) скончался раб божий Захария в месяце феврале в день на память святого Федора Тирена, в субботу...» Цифры в обозначении дня [17] в граффито не сохранились и восстановлены по месяцеслову С. А. Высоцким.

В надписи недочитан конец, который поддается истолкованию исходя из обстоятельств времени указанной в граффито кончины. 17 февраля в 1285 г. действительно приходилось на субботу, но не простую, а на субботу второй недели великого поста, когда совершается поминование умерших, а завершающая службу этого дня литургия Иоанна Златоуста оканчивается пением «Блажени, яже избрал». Согласно Далю, «блаженными или блаженной памятью поминаются усопшие государи и высшие духовные лица» [5, т. I, с. 95]. В этой связи обращение к фотографии прориси позволяет реконструировать следующее за словом «субботу» место как «бл(а)жънову», полагая, что так могли именовать субботу второй великого постной недели. Следующие в конце надписи буквы читаются как «л^аψ» и, возможно, означают: л^аψ (аль) ...

№ 63. 1328—1352 гг. (I, с. 102—103, табл. LXI, 1; LXII, 1). Чтение С. А. Высоцкого:

гресщном^δ митрополи [†] феогност^δ
всеа роуси мно ^л^а

Его перевод: «Грешному митрополиту Феогнству всея Руси многие лета» имеет несколько пикантный характер из-за неверного прочтения первой буквы, которая, кстати, великолепно видна и на фотографии, и на прориси; нацарапано не Г, а П: пресщном^δ, т. е. «преосвященному».

№ 67. XIII—XIV вв. (I, с. 105, табл. LV, 3; LVI, 3). Чтение С. А. Высоцкого:

+артемиос
помилоуи м^а
грѣшника
Іѡ : азъ твоя
стих + ра[б]анархиса

Переведены издателем первые три строки: «Артемий, помилуй меня, грешника...» Относительно остальных двух он пишет: «В начале четвертой строки значится Іѡ под титлом, что, вероятно, является счетом так

называемых „зачал“ — отрывков, читаемых в церквях. Далее следует отрывок с неясным смыслом: „я твоя святых, раба Нархиса“ (?)».

Разумеется, Гω никакого отношения к «зачалам» не имеет, а обозначает привычное сокращение имени Иоаннъ. В последней строке между буквами Х и Р нацарапано Ъ, а не крест, как в транскрипции издателя. «Восстановленная» же им Б является лишь логически исходящей из его осмысления надписи конъектурой: на прориси С. А. Высоцкого эта деформированная буква ближе всего к П. Предлагаемое чтение конца надписи: Азъ твоя стихира панархиса, т. е. я — твоя песнь всемогущая. № 68 (I, с. 105, табл. LXIII, LXIV). В верхней части надписи XIII—XIV вв. «...прочерчена более ранняя монограмма в виде креста под титлом, с буквами А, К, С, Ж, значение которых определить не удалось». Указанные буквы расположены в следующем порядке: в верхней части по сторонам вертикали креста А — С, в нижней части по сторонам той же вертикали К — Ж. Наиболее вероятно их значение: А се крестъ животворящий.

№ 107. XI в. (II, с. 32, табл. XIV). Чтение С. А. Высоцкого:

— а г̄и въседържителъ, избави — или ма влadyко мжкы

Его перевод: «А господи, вседержитель, избавь, владыко, меня, Илью (?), муки...», в связи с чем и граффито названо «записью Ильи». Между тем в промежутке, обозначенном издателем прочерком (между «избави» и «или»), на фотографии ясно читается буква Ш, что дает следующую транскрипцию:

А, Г(осподи) Въседържителъ, избавиши ли ма. владыко. мжкы.

№ 108. XI в. (II, с. 32—33, табл. XV). Транскрипция С. А. Высоцкого:

мати не хотачи дѣтича бѣжка гетѣ!
вѣ же не хота человѣка бѣдами кажетѣ!
—ромъи стоуан въ свогого чиноу въ сѣм [ъ] грѣхомъ [а] въ
—чъ боудеть [а]минь

Указав на затруднительность чтения и понимания надписи, издатель все же высказал предположение, что ее можно переводить так: «Мать, не желая ребенка, бежала прочь; бог же, не желая человеку бед, указывает святому своего чина Ромои(?) на этот грех и тот, который будет». «По содержанию,— пишет он,— запись — какое-то поучение женщинам, бросающим своих детей... В записи, сделанной по памяти, есть несогласованность падежей, пропуски букв (конечных Ъ в словах „геть“, „кажеть“) или лишние буквы („свогого“) и т. д. ...Что касается слова „гет“, то оно не зафиксировано в словаре И. И. Срезневского. Из содержания записи выходит, что „гет“ означает „прочь“. В этом значении слово „геть“ употребляется в современном украинском языке».

По-видимому, нет нужды подробно разбирать этот пассаж. Следует просто заново прочесть граффито, отметив, что в начале третьей строки читается инициальная буква Х; в той же строке между У и И нацарапано П, а не А, а показанная в квадратных скобках в конце той же строки А в действительности является буквой С или О. В последней строке написано «боудеть», а не «боудеть».

С учетом этих поправок надпись делится на слова так:

мати не хотачи дѣтича бѣжагет
вѣ же не хота человѣка бѣдами кажет
Хромъ истоупивъ свогого чиноу въсѣмъ] грѣхомъ свъ
ечь боудеть аминь

Первую половину записи А. А. Зализняк, к которому я обратился за консультацией, переводит следующим образом: «Мать, (даже) не ставя себе такой цели, дитя воспитывает. Бог же, (даже) не ставя себе такой цели, человека бедами наставляет». Этот текст находит полную аналогию в 71-м слове Иаречений Исаия и Варнавы, изданных по рукописям XIV—XVI вв.: «Мати, не хотици, детища болна бѣжает; тако бог, и не хотя, человека грешна печалими кажеть (и) казни» [7].

Во второй половине там, где я прочел слово «свѣчъ», А. А. Зализняк настаивает на чтении «обѣчъ». В любом случае перевод остается неизменным: «Хромой, вышедши из своего состояния, всем грехам приобщен будет». В моем варианте — «всем грехам свойственник будет». Источник этого изречения обнаружить не удалось, но для понимания заключенной в нем идеи небесполезно вспомнить одну из формул церковного устава князя Владимира: «А се церковныи люди: игоумень, попъ, дьяконъ, дѣти ихъ, попадия и кто въ клиросъ, игоуменъя, чернецъ, черница, проскоурница, паломникъ, лѣчецъ, прощеникъ, задушъный человекъ, сторонникъ, слѣпецъ, хромецъ» [8]. Состоянием хромого, таким образом, была принадлежность к церковным людям, оберегающая его от греха.

Что касается «лишних» букв в словах «бѣжает» и «свогого», то здесь мы, несомненно, имеем дело с обозначением иотации, подобным тому как на знаменитой черниговской золотой гривне в слове «Василию» иотация последнего звука выражена буквами ГЖ.

№ 120. XII в. (II, с. 42, табл. XXVI, XXVII, 1). Чтение С. А. Высоцкого:

пищанъ Ѱлк въдъ
въ дыакъ ходивъ
выожченикомъ

Его перевод: «Пищан писал, к дьякам ходил выучеником» игнорирует наличие последних трех букв в первой строке. Правомернее читать:

Пищанъ Ѱлк въд(о)въ дыакъ, ходивъ выожченикомъ,

т. е.: «Пищан писал, вдовий дьяк, ходил выучеником».

№ 124. XII в. (II, с. 45—46, табл. XXX, XXXI, 2). Чтение Б. А. Рыбакова, поддержанное С. А. Высоцким:

хо хо хо
крълоша
нинъ свати
и богоради
чи

В переводе: «Хо-хо-хо, клирошани святой Богородицы». «Междометие „хо-хо“,— писал Б. А. Рыбаков,— и удвоение гласных как бы имитирующее растягивание гласных при пении, явно указывают на такой случай, когда в Софийском соборе пели клирошане „Святой Богородицы“, т. е. Десятинной церкви, а местные софийские клирошане чертили на стенах насмешливые надписи по их адресу» [9, с. 64].

Такое истолкование рисует очень живую картину быта средневековых киевских клирошан, однако в граффито на самом деле нет никаких междометий, а без особых затруднений читается имя или прозвище: Хохоль.

№ 135. XII в. (II, с. 52, табл. XLIII, XLIV). Чтение С. А. Высоцкого:

ти помози рабоу
своемоу коэмѣ грѣшъномоу
прозвутероу и прости ма

владыко грѣхъ маихъ мнози
бо соуть и съп[о]доб поулоучити
млѣта отъ тебе соу[д]и пров
[д]ны въ днѣ соудынъ

Его перевод: «Господи, помоги рабу своему Кузьме, гречному пресвитеру, и прости мне, владыка, грехи мои многие, потому что есть, и угодой получить милость от тебя — судьи, проведи в день судный».

Если чтение и перевод первых строк не вызывают замечаний, то вторая часть заставляет недоумевать, на какой язык сделан перевод, настолько он невразумителен. Само это обстоятельство требует проверки предложенной транскрипции.

В четвертой строке в слове «моихъ» вторая буква переправлена из А на О, что не было учтено издателем. В пятой строке нет целого «поулоучити», а есть безоговорочно читаемое и на фотографии, и на прориси «и оулоучити». «Улучити» — то же, что и «получити» (ср. в Ефр. Кормч.: «Или правъдьнааго, аще просдть, оулоучать, или неправъдьна, да ѿходдть» — см. «Материалы...» Срезневского [10, т. 3, стлб. 1199]. В конце предпоследней строки процарано «авъ», а не «овѣ», а в начале последней «дна», а не «дны».

Все это позволяет транскрибировать последние четыре строки графито следующим образом:

владыко грѣхъ моихъ мнози
бо соуть и съп[о]доби оулоучити
млѣта отъ тебе соу[д]и правъ
дна въ днѣ соудынъ

Перевод всей надписи: «Господи, помоги рабу своему Козме, гречному священнику, и прости мне, владыка, грехи мои, ибо их много. И угодой получить милость от тебя, судьи праведного, в день судный».

№ 144. XII в. (II, с. 57, табл. LI, 3; LII, 3). Граффито, прочитанное как

мо
жч
га
лта.

С. А. Высоцкий неправомерно присоединил к расположенному ниже его в качестве якобы окончания последнего и предположил наличие в благопожелательной, обращенной к Богу, формуле небывалого имени «Чгалтъ». В действительности это вполне самостоятельная надпись, читаемая как

мъ
но
га
лта.

т. е.: многа лѣта.

№ 146. XII в. (II, с. 58, табл. LIII). Чтение С. А. Высоцкого:

[ги] пом[о]з[и] рабъ свѣмѣ и гнатѣви а
прѣзвицьмиима саетать а ги иъ бѣоса съмъ(р)ти
(---)кътр-----дша мъд [д]нъ съдъиагъ дѣш
мъд рикающи

Его перевод: «Господи, помоги рабу своему Игнатию, а прозвищем Саэтат; господи, не побоюся смерти ... душа моя, (ожиная) дня судного, душа моя стонет».

Граффито осталось недочитанным, хотя затруднившее издателя начато второй строки особых сложностей не содержит и, между прочим, детально воспроизведено на опубликованной самим С. А. Высоцким прописи: здесь безусловно читается слово «трѣпѣщетъ», а предшествующее этому слову дефектное начало строки выглядит как «т—къ», что в контексте записи как будто может претендовать лишь на конъектуру «т(оли)къ»:

А. г(осподи). иь бьюся съмъ(р)ти. т(оли)къ
трѣпѣщеть д(у)ша мъа дынь сѣдънагъ,
дыша мъа рикающи.

Более склонным представляется чтение туманного места в первой строке, касающегося прозвища Игнтия. Предложенное издателем имя «Саэтат» совершенно фантастично, тем более что группа предпстствующих ему знаков никоим образом не разъяснена. Это действительно невероятно трудное место, версию прочтения которого я попытаюсь обосновать.

Здесь выделяется важная для понимания последующего текста форма «прѣзвищми», которая указывает на наличие у Игнтия не одного прозвища. Следующая группа знаков — сложная лигатура АНИМА, в которой соединены первые четыре буквы: . Далее следует знак, трактованный издателем как С, однако он не имеет должной изогнутости, чтобы быть этой буквой, и читается скорее как І. Наконец, Е в предположенном С. А. Высоцким слове «Саэтат» не безусловно; это может быть и С. В таком случае возникает следующая транскрипция:

а прѣзвищми Анима + Аэтатъ

Оба реконструируемые прозвища находят этимологическую греческую опору: «Анима» (от *ἀνεμάτος*) — пустой, ничтожный, «Аэтатъ» (от *αττάς*) — шаткий, неустойчивый.

№ 175. XIII—XIV вв. (II, с. 78). Непонятно, почему выражение «бесомъ та творю», имеющееся в этом граффито, С. А. Высоцкий переводит как «(я), бесом уязвленный, делаю». Творить кого-либо бесом значит «читать его бесом» (см. [10, т. 3, стлб. 934—937]). Автор записи какое-то второе лицо («та») называет бесом.

№ 198. XIII—XIV вв. (II, с. 91, табл. ХСII, ХСIII, 1). Чтение С. А. Высоцкого:

ти помози рабоу св
бемоу дисоу свата
и союзи на морю
и на поу

Его перевод: «Господи, помоги рабу своему Яносу, святая София, на мор и на новый урожай» с пояснением: «Наряду с мором автор надписи вспоминает „поу“. И. И. Срезневский это слово объясняет так: „поу, новы“ — новые, первые плоды. „Дынь нови“ — праздник новых плодов». Таким образом, автор просит, чтобы бог помог ему на случай болезни и послал хороший урожай». Мне не удалось отыскать в Материалах Срезневского (равно как в в других словарях) слова «коу» в указанном С. А. Высоцким значении. Впрочем, в этом нет и особой необходимости, поскольку в действительности последнее слово рассматриваемого граффито читается совершенно иначе, а именно: «намоуринаноу». Глагол «намуринати» имеется в древнерусских лексиконах. Им переводится греческий глагол *ἐπιπολάσσειν*, одво из производных которого — *ἐπιπολάσια*:

означает «обыкновенный, простой, заурядный». В духе христианского самоуничижения это слово в контексте граффито следует переводить «ничтожному». Надо отметить также, что в слове «Соєќи» знак после Θ различим на фотографии: это не ю, а Ѣ.

№ 199. XIII—XIV вв. (II, с. 92). В надписи «Г(оспод)и, помози рабоу своему Костянтиноу Станамириноу» С. А. Высоцкий трактует последнее слово как мирское имя или прозвище автора граффито. Притяжательная форма говорит, однако, об отчестве. Человек с таким именем и отчеством известен: под 1311 г. в Новгородской I летописи упомянут Костянтин Ильин сын Станимирович, погибший во время похода «за море» на емь под предводительством брянского князя Дмитрия Романовича. Отца Костянтина — Станимира — в крещении звали Илией. Неясно, был ли Костянтина Станимирович новгородцем или воином из дружины южного князя.

№ 229. XV—XVII вв. (II, с. 109—110, табл. СXXI, СXXII, 1). Чтение С. А. Высоцкого:

ω сватад софые призыри по
мани пръстти пом[а]ни и
помилои---оат--ибогою
же проб[и]н тлеть

Его перевод: «О, святая София, призри, помяни и помилуй ... отсрочь же одряхлеть» со следующим пояснением: «Слово „проби“ в четвертой строке, которое также читается недостаточно уверенно, по-видимому, происходит от глагола „пробава“ — откладывание, отсрочка. Далее идет слово „тлеть“ (тут, наверное, ошибка — „тлѣть“) — ослабеть, одряхлеть». Подобно тому, как слово «пробава» не является глаголом, глагол «тлѣти» отнюдь не имеет тех значений, какие ему приписаны С. А. Высоцким. По всей вероятности, издателю правильнее было бы признаться, что конец надписи ему прочесть не удалось, так как все предложенное в качестве перевода слишком отдает натяжками и насилием над текстом. Между тем вся эта часть надписи читается вполне удовлетворительно:

[и]с братеи того иже прочитаетъ

В целом граффито читается следующим образом:

ω сватад Софые, призыри, помани, пръстти
помани и помилоуи [и]с братеи того, иже
прочитаетъ.

№ 236. XIII—XIV вв. (II, с. 112, табл. СXXV, СXXVI). Чтение С. А. Высоцкого:

ω м[а]рта въ д. на па
мат этого павла и оульяны
пристависа рабъ би акимъ
---мисьпфюои иерти стот
соф[и]

Его перевод: «Месяца марта в 4-е на память святого Павла и Ульяны кончался раб божий Яким ... иерей святой Софии». Издатель отметил: «Первая половина четвертой строки до слова „иерей“ непонятна. Возможно, это приписка на греческом языке, сделанная кирилловскими буквами». Не очень ясно, чем кирилловские буквы могут здесь отличаться от греческих. Впрочем, это не столь важно, так как конец надписи чита-

ется по-русски:

а писалъ Пе[р]филии иер[и]и ст[о]т Соф[и]т.

№ 307. XII в. (III, с. 25—31, табл. IX, X). Чтение С. А. Высоцкого:

володимира а
[с]е была многопечална[а?] а[н]дреева снъха ольгова [с]
е[с]тра и игорева и всев[о]
ложа напсаль [в]аник
о попъ члвеко влади[и]
[пл]абатъб---

Его перевод: «Се была (в Софии. — В. С.) многопечальная Андреева сноха, Олега сестра и Игоря и Всеволода. Написал Ванко (Иванко?) — поп человек владыки...»

Издатель убедительно идентифицировал главный персонаж надписи — «многопечальную» женщину. Это несомненная дочь черниговского князя Святослава Ольговича и жена князя Владимира Андреевича, внука Владимира Мономаха. Вполне вероятно, что граффито связано с кончиной князя Владимира, умершего в 1169 г. и похороненного в киевском Андреевском монастыре.

Вызывает решительное возражение чтение заключительной части граффито, в частности, сочетание «человек владыки», которое может быть переведено лишь как «слуга владыки», что вряд ли применимо к попу. В действительности здесь читается совершенно иной текст:

... всев[о]
ложа на пр[а]з[д]ъник[ъ]
а попъ члв[е]къ
[бо]гатъ гр[ечы]

Самоуничтожительное «богатый грехом» имеется в киевских надписях № 24, 33, 196, 279. Сокращение «Савль» вместо «Савелъ» следует сравнить с написанием «¹ Савлид» в новгородской берестяной грамоте № 272.

2. Надпись на шиферном пряслице из Любеча

В 1957 г. при раскопках Любеча было обнаружено небольшое (16 мм в диаметре) шиферное пряслице с надписью, заполняющей всю его нижнюю грань и переходящей затем на верхнюю. В первоначальной публикации руководитель раскопок Б. А. Рыбаков определял дату этого предмета следующим образом: «Палеографически надпись датируется концом XI в. — началом XII в.; это подтверждает и датировку стратиграфическую»: пряслице найдено «...в уцелевшем углу землянки, перерезанной большой клетью и, следовательно, относящейся к более раннему времени, чем 1147 г., когда погибла сама клеть, уничтожившая большую часть землянки» [11, с. 33]. «Характерную особенность стратиграфии замка, — писал Б. А. Рыбаков, — составляет слой пожарища XII в., единственный во всей свите прослоек; это дает возможность сопоставить его с сожжением Любеча в 1147 г. Ростиславом. Слой пожарища встречен и на основном раскопе, и на въезде, и в траншее, разрезавшей городни замковых стен» [11, с. 30].

Сомнительной представляется мысль о том, что деревянный Любеч на протяжении многих десятилетий горел только один раз, однако и с пожаром 1147 г. нет должной ясности. Б. А. Рыбаков ссылается на обращенную в указанном году к князю Изяславу Мстиславичу речь послы его

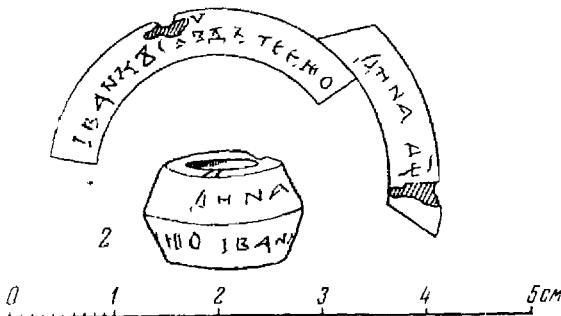

Рис. 1. Прияслице из Любеча

брата Ростислава: «брат ти молвить — сожди мене, язъ ти есмь сде Любець пожегъ и много воеваль и зла есмь Олговичемъ много створиъ» [12, стлб. 356—357] и на летописное свидетельство 1159 г., числящее Любеч среди пустых черниговских городов, в которых сидят лишь псари и половцы [12, стлб. 500]. Из сопоставления этих двух свидетельств как будто следует, что в 1147 г. Любеч был настолько основательно выжжен, что с тех пор надолго запустил. Однако такому заключению противоречат го бытия следующего года. В 1148 г. во время осады Чернигова Изяслав Мстиславич выжигает черниговскую округу до Любеча, о чем черниговские князья сообщают Юрию Владимировичу Долгорукому: «тоу села наши пожгли оли до Любча и всю жизнь нашю повоевали». За опустошением округи последовали снятие осады с Чернигова и поход Изяслава к Любечу: «инача Изяславъ молвити — се есмы села их пожгли вся и жизнь их всю, и они к намъ не выидоуть, а поищемъ к Любчу, иде же их есть вся жизнь». Черниговские князья в Любече выдержали нападение, «заложившееся» Днепром, на котором после сильного дождя начался разлив с ледоходом [12, стлб. 361—363]. Любеч, следовательно, в 1148 г. отнюдь не был пожарищем, а это заставляет более внимательно присмотреться к сообщению 1159 г.

В Ипатьевской летописи оно имеет следующий вид. Князь Святослав Ольгович, получивший Чернигов по договору с Изяславом в 1158 г., сует, что ему достался лишь «Черниговъ съ 7-ю городъ пустыхъ Моравиескъ, Любескъ, Оргоцъ, Всеволожъ, а въ нихъ сѣдять псареве же и Половци». В Хлебниковском и Погодинском списках той же летописи союз «и» отсутствует: «псареве же Половци» [12, стлб. 500], что свидетельствует, по крайней мере, о неясности текста. Более исправный вид сохранился в Московском своде конца XV в. и в Воскресенской летописи: «Черниговъ съ семью городов пустых, Моравиескъ, Любеч, Оргище, Всеволожъ, а в нихъ сѣдять псареве, и то же Половци выпустошили» [13, 14]. Иными словами, разорение черниговских городов, в том числе и Любече, связало не с событиями 1147 г., а с действиями половцев в несколько более позднее время. Но в это позднее время, т. е. в конце 40-х и в 50-х гг. XII в., половцы пребывали на Черниговщине как сила, союзная Ольговичам в их борьбе с Мстиславичами. Думать, что они выжигали города, служившие опорными пунктами для них самих, было бы по меньшей мере странным. Скорее следует догадываться, что «выпустошили» половцы черниговские города непосильными военными поборами, вынудившими их население разбежаться¹. Таким образом, дата уничтожения любечского замка представляется необоснованной и остается невыясненной.

¹ Наличие в «пустых» городах псарей говорит о существовании в них служб княжеского охотничьего хозяйства и, следовательно, о возможности приема и размещения в них князя и его дружины

Предложенная первоначально датировка пряслица, как это очевидно, отталкивается от гипотетической гибели замка в 1147 г.; если комплекс перекрывающих землянку построек сгорел в середине XII в., то сама землянка, в которой найдено пряслице, естественно, относится к более раннему времени, нежели возведение этих построек. — примерно к рубежу XI—XII вв. Позднее исследователь пересмотрел датировку пряслица: «Пряслице стратиграфически датируется серединой или третьей четвертью XI в., когда на месте будущего княжеского замка Мономаха (1078—1096 гг.) существовали ремесленные мастерские» [9, с. 54]. Отнесение комплекса перекрывающих землянку построек к строительству князя Владимира Всеволодовича обосновывается так: «Сочетание археологических и исторических данных позволяет считать строителем города и замка XI в. черниговского князя Владимира Мономаха (1078—1094 гг.)» [15, с. 23]; см. также [16]. Подобная аргументация явно недостаточна. Каких-либо письменных источников о строительстве Мономаха в Любече не существует. В опубликованных же материалах о раскопках в Любече обнаружить доводы в пользу того, что комплекс реконструированного исследователем замка построен в последней трети XI в., а, например, не во второй четверти XII в., мне не удалось.

Б. А. Рыбаков предложил транскрипцию надписи и ее перевод: «Троятательной интимностью веет от надписи на крошечном детском пряслице:

{вакъ създ' тее ю одина дщ(ерь),

т. е., «Иванко сделал это тебе, единственная дочь» [11, с. 34; 9, с. 54].

Такое чтение было поддержано А. А. Медынцевой, принявшей и датировку предмета серединой — третьей четвертью XI в. Б. А. Рыбаков палеографического анализа не предпринимал, ограничившись уже цитированной выше декларацией. А. А. Медынцева отмечает: «Палеографическая дата не противоречит такой датировке, хотя наблюдение затрудняет микроскопический размер букв (1,5—2 мм в высоту). Можно отметить острогольное „А“ с довольно длинным „хвостом“, „Н“ в виде латинского, аетли „Ъ“ треугольный» [17, с. 224]. Любому историку, даже поверхностно знакомому с палеографией, очевидно, что указанные признаки не имеют локально-хронологического характера, а присущи начеркам всего домонгольского времени. Следовательно, принятая Б. А. Рыбаковым дата пряслица и после палеографического комментария А. А. Медынцевой продолжает целиком основываться на общих соображениях о времени строительства в Любече замкового комплекса. Между тем предложенное Б. А. Рыбаковым чтение содержит решительное противоречие датировке надписи XI в. Для этого столетия закономерны формы «Иванъкъ», «съзъдалъ», переход к написанию -нк-, -зд- относится уже к XII в.

В предложении Б. А. Рыбаковым чтении А. А. Медынцева, в отличие от первоиздателя, отметила некоторые несообразности и попытала дать им объяснение, не выдвигая иных версий прочтения. Первая из этих несообразностей — смешение древнерусских и старославянских форм: «Хотя надпись начерчена с пропуском букв, но показывает не только грамотность, но и известную образованность автора: употреблена старославянская форма „дщерь“ вместо древнерусской „дочь“, используются титла». Справедливо ради следует отметить, что речь в данном случае идет «корея об образованности первоиздателя надписи, поскольку слово „дщерь“ является конъектурой, результатом исследовательской реконструкции дефектного места надписи. Смущает А. А. Медынцеву чтение Ъ в конце первого слова как О, невозможное для XI в.»: «Скорее всего, им нужно читать не „Иванко“, а „Иванъ“ — с „ъ“ на конце, как и должно быть для столь раннего времени». Явно ошибочно написание слова «тее»: «пропущена „Б“, вместо конечного „ятя“ написано „Е“». Здесь

также требуется дополнительное уточнение: «тебѣ» является церковнославянской формой, в древнерусском следовало бы «тобѣ». Свои недоумения исследовательница высказала и по поводу слова «ю»: «„Ю“ — вин. пад. ж. р. указательного местоимения — **и**, т. е. нужно переводить — ее. Эта форма говорит о том, что слово „прясленъ“ иногда имело форму женского рода: может быть, пряслица? Таким образом, надпись читается так: Иванк сделал тебе ее, единственная дочь» [17, с. 224].

Число сомнений можно увеличить. Сокращение (титлование) слов всегда производилось в соответствии с определенными правилами: предложенное в рассматриваемой транскрипции сокращение «съездль» беспрецедентно. Обращение к древним текстам показывает, что слово «съездля» имело отнюдь не бытовой оттенок. По-видимому, и Б. А. Рыбаков, и А. А. Медынцева это хорошо чувствовали, заменив указанный глагол в своем чтении бытовым «сделал». Указательное местоимение «ю» могло быть употреблено в том случае, если бы в предыдущем тексте был назван объект, на который оно указывает; поскольку такого текста нет и не было, здесь более уместным кажется местоимение «се», «сь». Кроме того, конструкция фразы требовала бы в рассматриваемом случае иного порядка слов: «ю тобѣ». С дат. пад. «тобѣ» согласуется скорее дат. же «одинои», а не зват. или им. «одина»².

Такое обилие противоречий и сомнений заставляет заподозрить неверность существующих транскрипций и прочтения надписи, что требует более внимательного обращения к палеографическим деталям. В результате сопоставления опубликованной прориси и фотографии³ пряслица выясняется, что три элемента транскрипции нуждаются в безусловном исправлении. 1) В надписи имеется только одно титло — над последним словом; значок, воспроизведенный в прориси в виде латинского и воспринятый в транскрипции Б. А. Рыбакова как знак сокращения слова или выносная буква, в действительности компонентом надписи не является, не имея аналогий в способах древнерусского письма. 2) Вызывает сомнение толкование последнего читаемого знака надписи как Щ: длинный и извилистый «хвостик» настолько утрирован, что представляется случайным элементом, царапиной, а буква может быть транскрибирована не как Щ, а как Ш. Следующая за ней выщербина могла уничтожить не более одной буквы. 3) Наконец, — и это самое важное, — в слове, прочитанном Б. А. Рыбаковым как «съезд(а)ль», нет буквы З, никогда не имевшей подобной формы, а то, что в этом месте надписи имеется, — не З, а несомненное В, абсолютно такое же, как в слове «Иванкъ». С учетом этих замечаний надпись пряслица транскрибируется однозначно:

Иванкъ с Твдътеюо одна дш[а]

1. с. «Иванко с Овдотьею — одна душа» (ср.: *Муж да жена одна душа* [5, т. 1, с. 504]). Надпись не лишена «трогательной интимности», но совершенно свободна от каких-либо лингвистических противоречий. Противоречие здесь лишь одно — с предложенной издателем второй — «уточненной» — датировкой. Для XI в. были бы закономерны написания «Иванъко», «Овдотьею»; в надписи пряслица наблюдается падение Т, присущее уже XII в.

Однако если пряслице не относится к XI в., то и перекрывающая землянку (к которой оно было найдено) клеть не может датироваться временем черниговского княжения Владимира Мономаха. Если же эта клеть единовременна дворцовому комплексу Любеча, то возникают существенные

² Так, кстати, в одной из публикаций переводит Б. А. Рыбаков: «Иванко сделал это тебе единственной дочери» [15, с. 23].

³ Выражая признательность А. А. Медынцевой за предоставление этой фотографии

сомнения в предложенной атрибуции этого комплекса: он должен относиться ко времени, недалеко отстоящему от середины XII в., а его создание следует связывать не с Мономахом, а с деятельностью Ольговичей.

3. К чтению граффити из церкви Федора Стратилата в Новгороде

В 1968 г. А. А. Медынцева опубликовала шесть граффити из числа множества надписей, процараных на стенах новгородской церкви Федора Стратилата на Ручью [18, с. 440—450]. Эта церковь была построена в 1361 г. [6, с. 367] и расписана фресками в 80—90-х гг. XIV в. (но не позднее 1396 г.) [19], чем определяется и нижняя дата граффити. Почти все изданные надписи фрагментарны, а следовательно, и трудны для однозначного прочтения и истолкования. Однако в некоторых случаях предложенные издателем транскрипции и их толкования содержат очевидные ошибки, нуждающиеся в исправлении. Остановлюсь на двух таких случаях.

Надпись № 3, расположенная на западной стене, на высоте около 210 см от уровня хор. В транскрипции А. А. Медынцевой надпись выглядит следующим образом:

а оу пр[е]зи
стони [х]оут[ъ]
двацать
а то өпроци
о еллеии
колк[и] и св[е]ць
золоты сорокъ
и дв[и]

Предложенный исследовательницей перевод надписи: «А у Пречистой хуст двацать, а то помимо прочих; елея несколько и свечей золотых сорок и две». Следует также привести ее комментарий к чтению: «В начале слов употреблено так называемое очное — с точкой внутри. Прецистон — Пречистой — имеется в виду Богородица. Хоут — очевидно, пропущено перед т., — следует читать хуста. Хуста — платок, плат. Өпроци — опрочи, опрочь — кроме, исключая; еллеии — должно быть, ёлеи; буквы и и удвоены по ошибке. Колк[и] — колико — сколько; өколк[и] — означает приблизительное число — несколько» [18, с. 445—446].

Не говоря уже о допущении ряда ошибок писавшего, перевод вызывает определенные недоумения. Очевидно, что речь в тексте действительно идет о каких-то пожертвованиях богородичной иконе. Но зачем иконы двацать платков, да и «то помимо прочих»? Почему употреблен термин хуста, известный лишь в южных и западных русских диалектах [5, т. IV, с. 569], а в средневековых источниках отмеченный только однажды в грамоте Витовта литовским евреям 1388 г. [10, т. 3, слб. 1424]. Что такое «елея несколько»? Что значит «золотые свечи»? Неумение отметить на эти вопросы заставило обратиться заново к граффито: такое обращение не осталось безрезультатным.

Прежде всего выяснилось, что граффито включает не одну, а две надписи. Сначала было написано:

св[е]ць
сорокъ
и дв[и]

Окончание второй, более пространной, надписи выполнено с учетом уже занятого первой надписью места. Строки этого окончания и первой надписи находятся на заметно различающихся уровнях.

Во второй строке второй надписи нет слова «хоутъ», а имеется слово «хрустъ», которое встретилось в новгородской берестяной грамоте № 500

XIV в. в значении «хрусталь» («ожерълье ... дроугое съ хроустаю») [20]⁴. Написание этого слова через **У**, а не через **ОУ**, как в предлоге первой строки, для рассматриваемого времени закономерно: **ОУ** писали в начале слов, **У** — после согласной [21]. В четвертой строке в слове «опроци» начальное **О** не очное, а простое. Наиболее сложной является пятая строка, в которой четвертая буква читается как **Е**, а не **Л**, а шестая, по-видимому, как **ЦЕ**, а не **И**: «Олеецеи». Наконец, отметив наличие букв **МЫ** в начале восьмой строки, А. А. Медынцева отвергает их принадлежность к анализируемой надписи. Между тем они написаны тем же почерком и тем же инструментом, но читаются не как **МЫ**, а как **—ЛЫ** при утраченной первой букве. Таким образом, вся надпись выглядит иначе, нежели в транскрипции А. А. Медынцевой:

а оу преци
стои хрустъ
двацать
а то опроци
о елеце и
колкѣ и
золоты
[м]алы

Очное **О**, которым начинается пятая строка, по правилам книжной изысканности могло читаться как **ОЧИ** [22, 23]. В таком случае загадочное слово этой строки обозначает «очелоеце», украшение на иконе вокруг чела Богородицы (ср., например: «У того же образа ожерелье и подъ вѣницомъ очелоецо жемчужное» [24]). В целом же надпись переводится так: «А у Пречистой 20 хрусталей, а то кроме очельиц, и колток 8 — золотые малые».

Любопытно отметить, что по описи 1617 г. в церкви Федора Стратилата на Ручью среди прочего инвентаря числились «3 цепочки серебряные. «3 золотых угорских. 13 ожерелец и убрусцев и поднизей и очелников жемчужных. Колтки золотые да 7 колтки серебряны. 11 серег серебряных с камышки и з жемчюги» [25]. Как это видно из граффита, хрустали у богородичной иконы имелись не только в ожерелье, но и на очельицах.

Надпись № 4, расположенная рядом с предыдущей, несколько ниже ее (на высоте 175 см). От нее сохранилась только левая часть, правая же полностью утрачена вместе со штукатуркою.

Транскрипция А. А. Медынцевой:

в лѣ. [ц] дѣти п[о]лст[а]---
чифоровичъ м[а]---
мать стхѣ шни---
в лѣ. С. ц. [д]е т[е]ле [г]---
со[т]ии

В надписи много неясностей, непреодоленных в публикации. Попытка уточнения транскрипции оказалась успешной только в одном месте надписи, давая возможность вразить ее издателю в предложенной им атрибуции упомянутой в тексте личности. О ней нам достоверно известно, что человек, названный в граффите, носил отчество Онцифорович. Прочитав последнюю строку текста как «сотии» и трактуя это слово как «соцкий», А. А. Медынцева выдвинула предположение, что в надписи речь идет о сыне посадника Онцифора Лукинича Максиме, который, согласно пока-

⁴ Отмечу, однако, что грамота № 500 была найдена четырьмя годами позднее публикации А. А. Медынцевой.

заниям новгородской берестяной грамоты № 279 [26], был соцким. Исследовательница обратила внимание на то, что самая поздняя из грамот Максима (№ 177) найдена в слоях 1369—1396 гг., что позволило ей высказать предположение о его смерти в 1396 г. и фиксации именно этого обстоятельства в граффите Федоровской церкви [18, с. 448—449]. Эта версия уже подхвачена в литературе [19, с. 46, примеч. 139], однако вряд ли может считаться заслуживающей доверия.

Потомки Онцифора Лукинича жили в Неревском конце, на Козмодемьянской и Разваже улицах [27], и отмечать кончину кого-либо из них в приходской церкви Плотницкого конца было бы по меньшей мере странным. Однако важнее другое обстоятельство: в граффите вовсе нет слова «сотии», а имеется слово «божии». Специфическая форма написания Ж в виде треножника имеет аналогии в берестяных грамотах № 42 (конца XIV в.), 242 и 578 (обе начала XV в.), а Б — в грамоте № 301 (первой трети XV в.) [23, с. 43 (№ 42); 26, с. 64 (№ 242), с. 132 (№ 301); 21, с. 42 (№ 578)].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв. Вып. I. Киев, 1966.
2. Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской (По материалам граффити XI—XVII вв.). Киев, 1976.
3. Высоцкий С. А. Киевские граффити XI—XVII вв. Киев, 1985.
4. Медынцева А. А. Древнерусские надписи новгородского Софийского собора XI—XIV вв. М., 1978.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I—IV. СПб., М., 1880—1882.
6. Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
7. Изречения Исаия и Варнавы // Памятники древней письменности. Вып. 92. СПб., 1892. С. 16.
8. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 24.
9. Рыбаков Б. А. Русская эпиграфика X—XIV вв. (Состояние, возможности, задачи) // История, фольклор, искусство славянских народов. М., 1963.
10. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1912.
11. Рыбаков Б. А. Раскопки в Любече в 1957 г. // Кратк. сообщ. Ин-та истории материальной культуры АН СССР. Вып. 79. М., 1960.
12. Полное собрание русских летописей. 2-е изд., Т. 2. СПб., 1908.
13. Полное собрание русских летописей. Т. 25. М., 1949. С. 65.
14. Полное собрание русских летописей. Т. 7. СПб., 1856. С. 69.
15. Рыбаков Б. А. Любеч — феодальный двор Мономаха и Ольговичей // Кратк. со общ. Ин-та истории материальной культуры АН СССР. Вып. 99. М., 1964.
16. Рыбаков Б. А. Любеч и Витичев — ворота «Внутренней Руси» // Тез. докл. советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве (сентябрь, 1965). М., 1965. С. 36—38.
17. Медынцева А. А. Грамотность женщина на Руси XI—XIII вв. по данным эпиграфики // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985.
18. Медынцева А. А. Древнерусские надписи из церкви Федора Стратилата в Новгороде // Славяне и Русь. М., 1968.
19. Лифшиц Л. И. Монументальная живопись Новгорода XIV—XV веков. М., 1987. С. 28.
20. Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978. М. 93—94.
21. Янин В. Л., Залазник А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1986. С. 99.
22. Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928. С. 197.
23. Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.) М. 1954. С. 21, примеч. 1.
24. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 14. М., 1988. С. 94.
25. Опись Новгорода 1617 года. М., 1984. С. 74—75.
26. Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956—1957 гг.). М., 1963. С. 105—107.
27. Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. Гл. 1. М., 1981.